

УДК 39:316.728(367)

ВОЗРОЖДЕНИЕ «УМЫКАНИЯ»

Н.В. Занегина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Занегина Н.В., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-41-49

Представленная статья продолжает исследование традиции «умыкания», предпринятое с целью определить возможные пределы свободы брачного выбора наших предшественников. Вполне вероятно, что в далеком прошлом «умыкание» санкционировало половую связь того или иного мужчины и девушки, вступавшей во взрослую жизнь, т. е. являлось обрядом, непосредственно предшествовавшим дефлорации. Распространение брачных отношений в форме договора, который заключали между собой семейно-родственные группы жениха и невесты, привело к потере «умыканием» его прежней социальной значимости. Однако со временем произошло второе «рождение» старой традиции.

Ключевые слова: брак, семья, обычай, способы заключения брака.

Возрождение «умыкания» стало не только возможным, но и неизбежным в обществе с патрилокальным типом поселения и развитой социальной дифференциацией вскоре после того, как повсеместным стало осуждение добрачных половых связей девушек. С этого времени претенденты в мужья обрели реальный рычаг воздействия на выбор жениха как самой девушкой, так и ее родителями. «Умыкание» стало действием, способным нанести непоправимый урон репутации девушки, а в крайних случаях даже лишить ее шанса обрести иного (кроме «умычника») мужа.

Например, в недалеком прошлом жених-татарин, похитив желанную девушку, «спешил вступить с ней в фактический брак» (особенно если ее родители не торопились давать свое согласие на бракосочетание). Молодые татары, совершая похищение, рассчитывали исключительно на то, что родители девушки испугаются огласки происшествия. Огласка случившегося похищения грозила обесчестить девушку. Обычно родители поневоле соглашались на вступление дочери в нежеланный для них брак [7, с. 80].

У некоторых народов требования по отношению к поведению девушки оказывались настолько «высоки», что предоставили молодым людям широкую возможность манипулировать статусом девушки на «рынке невест». Например, у итальянцев, как и у болгар, сброшенный на виду у всех головной убор девушки мог лишить ее возможности выбрать подходящую брачную партию; среди болгар-мусульман даже неудавшаяся попытка «умыкания» резко понижала «цену» потенциальной невесты [20, с. 116; 11, с. 141, 154].

«Умыкание» оказалось эффективным методом, который позволял жениху и его семье оказывать давление на невесту и ее родственников с целью добиться от последних выполнения договора о предстоящем заключении брака в соответствии с достигнутыми в ходе «сговора» соглашениями. К «похищению»

своей невесты после «сговора» прибегали в случае, если девушка отказывалась выйти замуж за своего официального жениха либо ее родители решали отказать последнему, соблаздившись обрести в качестве зятя более завидного претендента. В частности, известно, что у народов Дальнего Востока (нивхов, ульчей) чаще всего «похищения» были вызваны нарушением отцом невесты заключенного договора о будущем браке [31, с. 70, 75, 78].

У народов, которые стали особенно щепетильно относиться к наличию девственности у невесты, женихи обрели вполне реальную возможность заставить будущего тестя согласиться на брак его дочери с человеком, занимавшим скромное социальное положение, а также снизить величину ее «выкупа». К подобному «шантажу» будущих свойственников нередко прибегали многочисленные «умычники» на Кавказе [33, с. 54; 24, с. 165].

Интересная ситуация возникала в социальных структурах, где «брачные платы» представляли собой не «выкуп за невесту», а «приданое». Здесь «умыкание» не только в переносном, но и в самом прямом смысле слова могло «дорого» обойтись родителям девушки. Например, в Ирландии на переговорах об условиях заключения брака, которые начинались «вскоре после того, как о побеге становилось известно», сердобольный отец похищенной девушки, «чтобы сохранить репутацию дочери», зачастую был вынужден в «приданое» «обещать больше, чем он мог себе позволить». Только после достижения соответствующей договоренности «назначался день свадьбы и будущей невесте разрешалось вернуться в родной дом» [27, с. 152, 153].

Впрочем, как говорится, «нет худа без добра» – указанные перемены открыли дорогу решительным молодым людям, получившим вполне реальные шансы самостоятельно выбрать будущего супруга в надежде обеспечить себе счастье в семейной жизни. Примечательно, что исследователи, уделявшие внимание освещению данной темы, отмечают, что чаще всего «умыкание» бытовало именно в этой «добровольной» (с точки зрения молодых людей) форме [33, с. 55; 15, с. 97].

Материал, изложенный в предыдущих публикациях, позволяет предположить, что стремление некоторых из числа наших предков начать семейную жизнь по своему выбору с «умыкания» невесты, подкреплялось возможностью апеллировать к силе традиции. Самовольный жених совершал ритуал, освященный временем, который к тому же являлся составной частью современного ему обряда бракосочетания. Тем самым автоматически обществу предъявлялась претензия на признание законности недозволенного родителями супружеского союза.

Нужно отметить, что, по крайней мере, к XIX в. у ряда народов мира, например среди племен мунда в Индии [21, с. 143], а также у тех, кого сегодня принято относить к числу южных славян, распространение получило не только «классическое умыкание», в ходе которого потенциальный муж похищал понравившуюся ему девушку, но и альтернативный вариант данной традиции. В рамках последней активной стороной предприятия выступала сама девушка, убегавшая к жениху из родительского дома. Причину повышенной активности девушек в выборе супруга некоторые исследователи брачных традиций южных славян видят в том, что в этот период в данном регионе возраст

невесты при вступлении в брак нередко превышал возраст жениха [14; с. 94, 95]. «Бегуницы» («пристануши»), решившись на самовольный брак, по-видимому, немало надежд возлагали на обычай «приобщения» к новой семье, который осуществлялся путем прикосновения к очагу. Во всяком случае, болгарки пребывали в уверенности, что родители жениха теряют право прогнать девушку, размешавшую угли в их домашнем очаге [11, с. 153–155]. Румынки же были убеждены в том, что своевольная девица, сумевшая забраться на печь и своевременно схватиться за дымоход, могла рассчитывать на заключение брака не только вопреки воле родителей жениха, но даже против желания последнего [30, с. 165].

Впрочем, не стоит представлять возрожденное «умыкание» заурядным явлением повседневной жизни. Исследователи брачно-семейных отношений у русских, эвенков, киргизов, казахов, многих других народов Средней Азии, Северного Кавказа, Сибири отмечают, что действительное похищение невесты здесь не считалось общепринятой древней традицией, совершалось редко, зато часто наказывалось и являлось источником конфликтов между семьями [1, с. 230; 5, с. 159; 6, с. 74, 101, 102; 8, с. 35; 16, с. 89–104; 19, с. 66; 22, с. 8, 9, 14; 24, с. 142, 146–148, 153, 338; 31, с. 88; 33, с. 65].

Необходимо отметить, что кража девушки не гарантировала заключения брака, а являлась всего лишь методом воздействия на одну из сторон с целью заставить ее заключить брачный альянс [14, с. 94, 95]. Дж. П. Мердок утверждал, что «похищение невесты как обычный способ заключения брака» у народов мира встречается «исключительно редко», а «побег невесты с женихом обычно легитимизируется позднее через выполнение обычных обрядов и выплату соответствующих компенсаций» [23, с. 43]. Таким образом, «умыкание» представляется не «формой заключения брака», а скорее традицией, альтернативной «сватовству».

Например, жених-татарин, о котором мы уже упоминали, несмотря на решительность своих намерений, мог так и остаться без вожденной супруги. Случалось, что родители девушки, не готовые во всем идти на поводу у будущего зятя, в качестве компенсации требовали «калым» «гораздо больше обыкновенного» и только после получения желаемого соглашались на примирение. Следствием становилась свадьба. Однако иногда действия молодого человека так и не достигали заветной цели. Если похитителям ни при каких условиях не удавалось получить от родителей похищенной согласия на брак, то девушка возвращалась в родительский дом [7, с. 80].

В Андалузии в позапрошлом веке полагали, что «умыкание» состоялось, если юноша и девушка провели вместе «хотя бы одну ночь вне селения». Однако эта «ночевка» не гарантировала общественного признания сожителства молодых «брачным союзом». Последнее происходило только в том случае, когда родители девушки «смиряться и с течением времени прощали ослушницу (поскольку она не могла бы уже выйти здесь ни за кого другого)» [17, с. 142]. Более того, если юная дочь хозяина «бежала» с его батраком, то мероприятие, затеянное решительной молодежью вполне могло закончиться не вожденным браком, а «обращением в суд отца девушки», вслед за чем несостоявшийся супруг оказывался за тюремной решеткой, а девушка лишалась шансов

на удачное замужество в будущем [17, с. 143]. На Корсике случалось, что родители не только не прощали «сбежавшую» дочь, но даже отправляли ее в монастырь [13, с. 183].

Н.А. Кисляков отмечал, что в Средней Азии и Казахстане, как правило, похищение также заканчивалось примирением с родителями девушки и «уплатой всего калыма или его недоплаченной части» [15, с. 97]. По мнению Г.Ф. Миллера, похищение невесты не избавляло сибирских женихов от необходимости вносить «выкуп»: «калым все равно уплачивается, даже если это и происходит только через несколько лет после совершения брака» [26, с. 360]. Стоит вспомнить и о решительных казахах-скотоводах, которые нередко «до последнего» были готовы настаивать на возвращении похищенной под угрозой узаконенного открытого грабежа имущества, принадлежащего семье похитителя [34, с. 97, 98]. У ногайцев похищение тоже либо приводило к примирению с родителями девушки, выплате калыма и к свадьбе, либо влекло за собой межсемейный конфликт вплоть до убийства и кровной мести [6, с. 101, 102]. Причем на Кавказе, как и у казахов, незадачливый «умычник», вернув девушку, чтобы избежать кровной мести был вынужден платить «большое возмещение за обиду» [33, с. 55]. У чукчей избежать неминуемого кровопролития, следующего за похищением девушки, можно было лишь отдав в качестве «выкупа» оскорбленному семейству одну из «женщин своего очага» [3, с. 127].

Любопытно, что в Камеруне, как и в некоторых других регионах Африки, вплоть до последнего времени действовало законодательство, в соответствии со статьями которого «брак, предваряемый бегством», вступал в силу только «по достижении соглашения о брачном выкупе» [32, с. 61, 62, 88, 89]. Причем обычное право некоторых народностей (например, в Кении) позволяло родителям, не пожелавшим смириться с самовольством молодежи, требовать от «похитителя» выплаты материальной компенсации за «связь с девушкой» [32, с. 224].

Известно, что столь же решительно были настроены родители невесты у части сербского населения. В некоторых сербских селах «сбежавшую» девицу лишали приданого, а родители в Банате и вовсе воспринимали «побег» дочери как непростительное оскорбление, последняя «даже не смела пройти мимо родительского дома». Вполне ожидаемо, что в регионах со строгим отношением к «умыканию», этот обычай встречался очень редко [14, с. 95].

Впрочем, очевидно, что «решительность» родных невесты также не могла быть безграничной. В частности, к смелым действиям в борьбе с похитителем родители девушки могли прибегнуть лишь в случае, когда семейство «умычника» не занимало в социальной иерархии положения более высокого, чем имела семья девушки. В противоположном случае у «похищения» были немалые шансы завершиться успешно. Все вышеизложенное приводило к тому, что на «умыкание» девушки без согласия ее родных, например у казахов, решались (да и решаются сегодня) только женихи из состоятельных семей с высоким социальным статусом, достаточным для того, чтобы удачно разрешить конфликт с семьей похищенной [34, с. 108].

Особенно сложная ситуация могла сложиться, когда «похититель» действовал по взаимной договоренности с девушкой. Девушка соглашалась на вступление в брак, отказываясь вернуться домой. При этом ее родители не желали признавать данное сожителство законным супружеским союзом. Похоже, в подобных обстоятельствах при наличии известной доли упрямства как у молодежи, так и у их родителей дальнейшее развитие событий становилось сложно предугадать. Представляется, что из столь непростой жизненной ситуации разные народы «выпутывались» по-разному.

В прошлом для признания сожителства молодых людей супружеским союзом требовалось общественное признание. Прежде всего, чтобы добиться от общества признания новой семьи, молодым людям было необходимо совместное проживание в течение некоторого промежутка времени [4, с. 491]. Обыкновенно своевольные «супруги» искали кров у близких родственников, знакомых или у тех родителей, которые не возражали против заключения данного брачного союза. Также еще в прошлом столетии поступали излишне самостоятельные дети обитателей острова Самоа [25, с. 132, 133], отпрыски бирманцев [29, с. 111], жители Таиланда. У последних обычный «выкуп» был столь велик, что в некоторых деревнях путем бегства жениха и невесты создавалась практически каждая вторая семья [10, с. 63].

Совместное проживание юной пары не считалось законным до тех пор, пока родственники как жениха, так и невесты не смиряются со свершившимся фактом и не легализуют брак традиционным образом с соблюдением всех брачных обрядов. Порой промежуток времени между «умыканием» и признанием законности брачного союза был чрезвычайно значительным. Например, у сибирских татар брак «убегом» официально оформлялся только через полгода или год, обычно после рождения первого ребенка [18, с. 67–70], а на Самоа между «побегом» и признанием брака у пары мог родиться не один ребенок. И даже позднее своевольным супругам было не избежать напоминаний о нетрадиционном способе, который положил начало их совместному проживанию [25, с. 133].

Возможно, что общественное признание сожителства браком могло совпадать с совершеннолетием молодых. Как уже упоминалось в одной из предыдущих статей [9, с. 29–31], в прошлом обычаи многих народов определяли возраст девушки, по достижении которого она могла самостоятельно выбирать супруга. Например, в Древнем Иране общество признавало законным брак, заключенный без согласия отца или опекуна девушки, если последняя достигла пятнадцати лет. Однако характерно то, что права и обязанности супругов, а также права детей в таком браке и в браке, заключение которого происходило традиционным образом, значительно отличались [28, с. 106–110].

Не исключено, что путь, который прошли молодые с целью общественного признания брака, накладывал неизгладимый отпечаток на все их супружество и у других народов. Во всяком случае, известно, что о специфическом способе, которым был заключен брак, в дальнейшем напоминали супругам не только на Самоа и в древнеиранском обществе. Например, у племен мунда в Индии изредка случались «побеги» юноши и девушки в лес. Молодые люди надеялись, что по возвращении общество признает их сожителство браком. Примечательно, что

даже при самом благоприятном варианте развития событий на брачный союз «бежавшей» молодежи смотрели косо, такой брак «считается непочетным» [21, с. 143]. Немалый интерес для понимания сути описываемых явлений представляет информация, сохранившаяся в мемуарах, повествующих о жизни российских дворян. В частности, стоит обратить внимание на характерное выражение, которое используется в мемуарах Д. Благово для сообщения об отношении семьи к княжне Мещерской, решившейся без согласия родителей стать женой некоего Ильина: «Мещерские не очень долюбливали Ильину, вспоминая, что ее мать не вышла замуж, а бежала» [2, с. 37]. Получается, в России XVIII–XIX столетий создание семьи путем «бегства» будущих супругов (в прошлом – «умыкания») если и воспринималось обществом как брак, то не вполне «качественный».

Видимо, намного проще было добиться общественного признания супружества молодым, принадлежавшим к разным социальным группам, добрососедские отношения между которыми были, мягко говоря, не слишком тесными. Вероятно, с этим фактом было связано распространение вплоть до XX в. обычая «умыкания» в горах Северной Албании. Как правило, «умыкаемая» здесь была отлично осведомлена о предстоящем событии и нередко горячо его поддерживала, ведь албанцы были уверены в своем праве рассчитывать на беспрекословное подчинение детей (особенно дочерей) сделанному за них брачному выбору. Дело доходило до того, что в горной зоне не только не спрашивали мнения детей «об их суженых, но даже не сообщали их имена». Ожидаемый протест пресекался «на корню»: сбежавших девиц грозили убить при побеге их собственные родственники, что, впрочем, не останавливало отважных горянок – зачастую девушки совершали побег даже «в момент движения свадебного поезда». При этом нередко юных албанок «похищали» черногорцы [12, с. 187–189], семейно-родственные группы которых едва ли имели основания возмущаться против обретения нового члена семьи столь своеобразным способом.

Таким образом, «умыкание» представляется сложным явлением, пережившим за время своего существования целый ряд трансформаций. Вполне возможно, что традиция «умыкания» регулировала взаимоотношения между полами до развития института брака как нерушимого союза, призванного «навечно» связать мужчину и женщину. Распространение брачно-семейных отношений снижает значимость древней традиции, превращая «умыкание» в ритуал, сопровождавший заключение брачного альянса. Возрождение «умыкания» происходит вслед за развитием социального и имущественного неравенств, развитием патрилокального типа брачного поселения, а также возникновением строгого запрета на добрачные половые связи. «Умыкание» стало выступать в исключительных, конфликтных ситуациях как обычай, создающий необходимые условия для заключения брачного альянса. Следовательно, в рамках свадебной обрядности «умыкание» принимает на себя роль экстраординарной альтернативы традиционному «сватовству», что позволяло молодым людям апеллировать к давней традиции с целью добиться согласия родителей на заключение брачного союза с самостоятельно избранным кандидатом в супруги.

Изложенной информацией не исчерпываются сведения о трансформациях, которые претерпело «умыкание» за долгую историю своего существования. Процесс дальнейших преобразований старой традиции будет описан в последующих работах.

Библиографический список

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 403 с.
2. Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л.: Наука, 1989. 471 с.
3. Богораз В.Г. Чукчи. Ч. 1. Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1934. 192 с.
4. Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Молодая гвардия, 2004. 544 с.
5. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 305 с.
6. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1975. 173 с.
7. Дементьева Т.Ю., Альмушева О.Р. Особенности брачных отношений татар в XVI – XVIII вв. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. Т. 8. № 1. С. 77–82.
8. Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1980. 152 с.
9. Занегина Н.В. Некоторые замечания о свободе брачного выбора в прошлом // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 1 (20). С. 26–32.
10. Иванова Е.В. Социализация детей в Тайланде // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии / отв. ред. И.С. Кон, А.М. Решетов. М.: Наука, 1988. С. 62–82.
11. Иванова Р., Маркова Л.В. Болгары // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 135–159.
12. Иванова Ю.В. Албанцы // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 182–205.
13. Иванова Ю.В., Покровская Л.В. Народы Франции // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 177–209.
14. Кашуба М.С. Народы Югославии // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 82–134.
15. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 241 с.
16. Клейнбах Р., Салимжанова Л. «Кыз ала качуу» и киргизский адат: умыкание невесты и обычное право в Кыргызстане // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 89–104.

17. Кожановский А.Н. Народы Испании // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 134–166.
18. Коломиец О.П. Похищение и увод невест у сибирских татар // Культурология традиционных сообществ: материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых / отв. ред. М.Л. Бережнова. Омск: ОмГПУ, 2002. С. 67–70.
19. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 260 с.
20. Красновская Н.А. Народы Италии // Брак у народов Западной и Южной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1989. С. 107–133.
21. Краснодембский В.Е. Очерк этнографии народов мунда // Племена в Индии / сост. С.А. Маретина, И.Ю. Котин. СПб.: Наука, 2011. С. 123–149.
22. Ларина Е.И., Наумова О.Б. «Кража – это вечный наш обычай»: умыкание невесты у российских казахов // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 3–20.
23. Мердок Дж.П. Социальная структура. М.: ОГИ, 2003. 608 с.
24. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е годы XX в.). Майкоп: Адыгейское отделение краснодарского книжного издательства, 1987. 368 с.
25. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. 429 с.
26. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
27. Павленко А.П. Ирландцы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 146–155.
28. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. 384 с.
29. Поздеева Т.А. Социализация детей у бирманцев // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии / отв. ред. И.С. Кон, А.М. Решетов. М.: Наука, 1988. С. 100–112.
30. Рикман Э.А. Румыны // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 160–181.
31. Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. 240 с.
32. Сеницына И.Е. Человек и семья в Африке. (По материалам обычного права). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 311 с.
33. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX – XX в.). М.: Наука, 1983. 264 с.
34. Стасевич И.В. Брак и семья у казахов в конце XIX – начале XXI в. Время и традиция // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. Вып. 2. СПб., 2009. С. 93–111.

RENAISSANCE OF THE «ABDUCTION»

N.V. Zanegina

Tver State Technical University, Tver

This article continues the study of the «abduction» tradition, which helps to determine the limits of freedom of the marriage choice of our predecessors. Apparently, in the past, «abduction» sanctioned the sexual relationship of a man and a girl. «Abduction» preceded the girl's entry into adulthood. «Abduction» was a rite that preceded defloration. The rite of «abduction» has lost its significance as a result of the spread of the institution of marriage as a contract of family-related groups of the bride and groom. However, later the second «birth» of the old tradition occurred.

Keywords: *marriage, family, custom, the ways of marriage.*

Об авторе:

Занегина Наталья Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общенаучных дисциплин факультета международного академического сотрудничества ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 3168-2020, e-mail: nzanegina@rambler.ru

Author information:

Zanegina Natalia Vitalievna – PhD (History), Associate Professor, Associate Professor of Department of Scientific Disciplines of the Faculty of International Academic Cooperation, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 3168-2020, e-mail: nzanegina@rambler.ru